

В ходе посещения Сретенской духовной семинарии митрополит Иларион ответил на вопросы студентов и преподавателей духовной школы

30 апреля 2010 года состоялась встреча митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, с преподавателями и студентами Сретенской Духовной семинарии.

*В трапезном зале состоялось **выступление владыки Илариона**, по окончании которого он ответил на многочисленные вопросы присутствовавших.*

– Владыка, известно, что Вы владеете несколькими языками. Как Вы их изучали?

– Первый язык, который я начал учить, – греческий. Должен признаться, что до двадцати лет я не знал ни одного иностранного языка. В музыкальной школе, где я учился, языкам не придавалось серьезного значения. Когда стал служить на приходе в Литве, то начал учить греческий. Изучение шло двумя путями: с помощью учебника и при помощи последовательного чтения Евангелия, а затем апостольских посланий. Первое Евангелие, которое я читал на греческом языке, было от Иоанна. Оно самое легкое для изучения языка, потому что в нем повторяются одни и те же слова, и это слова, которые наиболее важны для богословского языка.

Почему так полезно и важно изучать греческий язык по Евангелию? Вы имеете дело со знакомым текстом, многие отрывки его вы уже знаете наизусть, поэтому некоторые слова не нужно смотреть в словаре, поскольку понятно, что они означают.

Прочитав таким образом Евангелие от Иоанна и выписав для себя все незнакомые слова, я начал читать Евангелие от Матфея, потом от Марка, Луки, а затем прочитал все соборные послания апостолов и послания апостола Павла. После того, как весь Новый Завет был полностью прочитан на греческом языке, я начал читать и переводить творения святых Отцов Церкви. Так я изучал древнегреческий, вернее, тот язык, который ученые называют византийским греческим, то есть язык Нового Завета и святоотеческой письменности.

Новогреческий язык я изучал в основном самостоятельно по учебнику и аудиокассетам, слушал в записи радиопередачи, потом при первом посещении Греции активно занимался речевой практикой.

Английским языком овладевал самостоятельно примерно тем же способом: читал по-английски Евангелие, апостольские послания, а также некоторые книги Ветхого Завета, затем знакомился с английской литературой без перевода.

Чем больше читаешь, тем больше узнаешь слов, понятий. При этом важно не просто запомнить те или иные выражения, но и понять, как строится фраза, потому что каждый язык выражает способ мышления того или иного народа. Например, если вы говорите английскими словами, но выстраиваете фразу так, как сделали бы это, говоря по-русски, вас сразу же изобличат как иностранца и к тому же вряд ли смогут правильно понять вашу речь.

Нередко с этим приходится сталкиваться при переводе на иностранный язык официальных текстов. Бывает, что после принятия на международном саммите какого-то документа он сразу же переводится на английский, однако после этого к нам подходят люди и говорят, что не понимают, что в том или ином абзаце имеется в виду. Действительно, русская фраза может занимать целый абзац, состоять из восьми строк и иметь в своем составе несколько придаточных предложений. Если ее перевести таким же образом на английский, как это порой делают некоторые переводчики, то иностранцы просто ничего не поймут, так как этому языку свойственно выражение мысли гораздо более короткими фразами. Обычно русское предложение при переводе на английский надо делить на два, на три или даже четыре.

Каждый язык я изучал методом погружения. Например, когда учился в Англии, то на английском языке читал, говорил и думал. Мне иной раз даже было трудно перевести что-то на русский, потому что эти два языка в моем мозгу существовали как бы параллельно и не были взаимосвязаны. Но мне кажется, что именно так можно изучить язык таким, каков он есть, а не создать для себя некую модель иностранного языка, основанную на собственных языковых представлениях. Нужно читать, писать, слушать радио- и телепередачи на изучаемом языке, разговаривать с носителями языка.

Еще один способ – копирование. Так, мне очень помогало чтение научной литературы по-английски. Я просто запоминал конструкцию фразы: с чего она начинается, чем заканчивается и что у нее в середине, – а потом подобные конструкции использовал в своей письменной речи. Это почти безошибочный способ грамотного изучения иностранного языка. Таким же способом я учил и другие языки. Основной же принцип – постоянная самостоятельная работа.

– Не могли бы Вы сказать, будет ли образована в Общецерковной аспирантуре кафедра искусствоведения?

– В Общецерковной аспирантуре и докторантуре есть кафедры богословия, внешних церковных связей, библеистики, церковной истории, церковных искусств и археологии, управления и канонического права, церковно-практических наук. Все эти кафедры уже открыты и на них можно поступать, а при необходимости будут создаваться новые.

Особенно много студентов у нас на кафедрах богословия и внешних церковных связей, а вот на кафедре церковных искусств и археологии, к сожалению, учащихся на настоящий момент мало. Наша задача состоит в том, чтобы дать знания студентам в той области, в которой они хотят заниматься.

Святейший Патриарх Кирилл рассказывал, что, когда он учился в Духовной академии, приснопоминаемый митрополит Никодим (Ротов) говорил, что после академии он направит его учиться в Оксфорде. Но когда настало время отправиться в Оксфорд, то митрополит Никодим сказал: «Я направляю тебя на церковное служение, а учиться в Оксфорде будет следующее поколение». И действительно, мое поколение – то поколение, которое училось в Оксфорде. Я думаю, что вашему поколению не нужно будет отправляться в Оксфорд или куда-то еще, если мы сможем у себя создать такие учебные заведения, где, с одной стороны, будут сохраняться лучшие традиции нашего духовного образования, а с другой – будут поддерживаться высокие стандарты современной системы образования. Тогда желание ехать в Оксфорд или куда-нибудь еще на Запад отпадет. За рубеж можно будет ездить только для того, чтобы практиковать языки, на стажировку, а также для работы в библиотеках.

– Как повлияет Болонская система на воспитательный уровень семинарий?

Я думаю, что Болонская система вообще не должна затрагивать воспитательные функции духовной школы, и тот распорядок дня, который существует в семинариях сегодня, – учебные занятия, участие в богослужениях, в молитвах, – должен сохраниться. Болонская система делает учебный процесс более направленным, ориентированным на индивидуальные способности студента. Именно в этом заключается ее смысл, а не в том, чтобы создать новые воспитательные методы или переформатировать воспитательный процесс.

– Какова, по Вашему мнению, цель диалога с Римско-Католической Церковью, как бы Вы могли охарактеризовать его состояние в настоящее время?

– В диалоге с Римско-Католической Церковью мы исходим из того, что это Церковь, в которой сохраняется представление о необходимости апостольского преемства иерархии, а также присутствует учение о таинствах, которое очень похоже на наше учение. Говоря о диалоге с инославными Церквями, мы должны понимать, что есть различные инославные общины, более или менее близкие к Православию. Так, Римско-Католическая Церковь, при всех отличиях и в догматической области, и в области экклезиологии, которые всем вам известны, является Церковью, близкой к нам и по своему богословскому учению, и по своим нравственным установкам.

Сегодня в секулярной Европе именно Католическая Церковь защищает традиционные нравственные ценности – такие, как, например, супружеская верность, недопустимость искусственного прерывания человеческой жизни. Она настаивает, что супружеский союз может быть союзом только мужчины и женщины, а ведь на современном Западе этот постулат очень активно оспаривается не только безбожниками, но даже некоторыми религиозными людьми, в том числе рядом протестантских общин. Поэтому мне кажется, что в диалоге с Римско-Католической Церковью мы должны, прежде всего, концентрироваться на том, что можно делать вместе для защиты традиционного христианства, для защиты традиционных христианских ценностей.

По сути дела, мы сейчас стоим перед единым вызовом безбожного мира и потребительской идеологии. Средства массовой информации внушают людям, что они должны жить для своего удовольствия, что никаких идеалов не должно быть или они не обязательны, что самое главное – это комфорт, успех, благосостояние, хорошая работа, зарплата. Вокруг этих вещей и понятий строится жизнь очень многих людей. Но ведь если идея, будто человек должен жить для себя и для своего удовольствия принимается как нечто само собой разумеющееся, то исчезают не просто высшие идеалы, но и естественное для человека стремление иметь потомство, передать жизнь другим людям.

Обращаясь к ветхозаветным представлениям о семье, мы видим, что Господь заключает завет с Авраамом. О чем этот завет? Авраам не имел потомства, и вот Господь призрел на этого человека, заключив с ним завет, и благословение Божие, которое изливается на Авраама, заключается в том, что от этого человека произошло много детей, еще больше внуков и еще больше правнуков. Сейчас же все происходит наоборот: если раньше, скажем, у пяти супружеских пар могло быть двадцать детей и пятьдесят внуков, то сейчас у пяти супружеских пар будет шестеро детей и трое внуков. Население именно тех стран, которые поставили во главу угла не традиционные религиозные ценности, а ценности секулярные, уменьшается. По сути дела, эти народы стали на путь вымирания, и происходит это именно потому, что утрачено традиционное представление о семье, которое на протяжении веков помогало человечеству воспроизводиться и размножаться, исполняя тем самым заповедь, которую Бог дал человечеству в раю: *Плодитесь и размножайтесь* (Быт. 1. 28).

Сегодня западные народы не плодятся и не размножаются – их численность сокращается, и происходит это из-за укоренившихся в обществе представлений, что супружеская верность – это пережиток прошлого, что брак совсем не обязательно должен заключаться между мужчиной и женщиной, что есть и другие варианты. Эти и подобные идеи, пропагандирующиеся и распространяющиеся сейчас на Западе, демонстрируют очень глубокую нравственную деградацию людей и общества. Эта деградация происходит вследствие отсутствия ориентиров, отсутствия абсолютных нравственных норм. Если говорить о христианской традиции, абсолютные нравственные нормы, основанные на евангельских ценностях сегодня проповедают обществу и Православная Церковь, и Церковь Римско-Католическая.

К сожалению, многие протестантские общины отошли от традиционной христианской нравственности. В некоторых из них сегодня существует ритуал благословения однополых союзов. Но если деятельность общины, называющей себя христианской, идет вразрез с основополагающей нормой христианской нравственности, то о чем с ней можно вообще говорить?

Поэтому, когда мы говорим о диалоге с Римско-Католической Церковью, я думаю, что приоритетом в этом диалоге сегодня являются не вопросы о *filioque* или о примате Папы – эти темы уже тысячу лет стоят на повестке дня, и, может быть, столько же еще будут стоять, а богословы будут заседать в комиссиях, на симпозиумах и все это обсуждать. Но жизнь при этом будет продолжаться, и что-то очень важное мы можем попросту упустить, если все свое внимание сосредоточим только на разделяющих нас богословских моментах. Мы должны научиться взаимодействовать в том состоянии, которое имеется сейчас, – в состоянии разделения при отсутствии евхаристического общения. Мы должны научиться воспринимать друг друга не как соперников, а как союзников, понимая, что перед нами общее миссионерское поле, общие вызовы. Перед нами стоит общая задача по защите традиционных христианских ценностей в жизни общества, и это нужно сегодня не из каких-то богословских соображений, а прежде всего для того, чтобы помочь выживанию наших народов. Таковы приоритеты, которые мы ставим в этом диалоге.

– Какова Ваша позиция в отношении заочного обучения в духовных школах и практики рукоположения в сан без предварительного получения духовного образования?

– Сам я был рукоположен в сан священника, не окончив ни одного класса духовной семинарии, и начал учиться в духовной школе уже после рукоположения.

При этом я думаю, что правилом должно стать получение человеком, который будет принимать священный сан, духовного образования как минимум по программе духовной семинарии. Конечно, и сегодня из этого правила не может не быть исключений, потому что, во-первых, есть люди,

которые, скажем, не окончили духовное учебное заведение, но имеют высшее образование, а во вторых, и это главное, есть люди, которые, даже окончив семинарию, могут допускать грубейшие ошибки в вопросах вероучительных. Удивительно, но можно проучиться несколько лет в семинарии, и при этом не знать очень важных и очень существенных вещей. Именно поэтому, я думаю, что помимо того учебного курса, который студент должен прослушать в семинарии, он должен еще и очень внимательно заниматься самообразованием – без этого сегодня просто невозможно существовать священнослужителю.

– Современная массовая культура и принятый в ее рамках образ жизни заставляет молодежь думать по-другому, заставляет множество наших сверстников ничем не интересоваться, а жить в своей замкнутой субкультуре. Имеем ли мы право разговаривать с ними на их языке, должны ли идти им навстречу, пытаться вывести этих людей из мирка их так называемой культуры? Следует ли, как некоторые наши миссионеры, обращаться к рок-музыкантам, приходить на рок-концерты и пытаться из их среды говорить о Боге?

– Святейший Патриарх Кирилл уже неоднократно давал ответ на этот вопрос, и ответ этот сводится к следующему: Церковь не должна сегодня просто ждать, что все люди сами к ней придут.

Я помню беседу с одним священнослужителем о том, какова разница между миссионерскими методами православных и сектантов. «Вот сектанты ходят по квартирам, распространяют свою литературу, а мы, – говорил этот священник, – свидетельствуем об истине самым фактом своего существования, мы существуем – и тем самым свидетельствуем об Истине». Представьте, что апостолы были бы так настроены, что после Воскресения Христова они собрались бы в Сионской горнице и сказали: «Мы свидетельствуем о Воскресении Христовом самым фактом того, что мы сидим здесь. Пусть все, кто хотят, придут к нам, а мы им расскажем о Спасителе». Я думаю, что тогда христианство гораздо дольше бы распространялось по миру и, наверное, до нас с вами могло бы вовсе не дойти. Апостолы шли в мир, который был враждебен им. Они шли в мир языческий, они полемизировали с иудеями, которые были настроены резко отрицательно по отношению к христианству. Проповедь апостолов, как и многих христиан первого поколения, заканчивалась их собственной смертью.

Сегодня мы можем беспрепятственно и безбоязненно проповедовать Христа Воскресшего, рассказывать об истине Православия, но сейчас, как и две тысячи лет назад, недостаточно это делать в стенах храмов или – в соответствии с современными условиями – на страницах церковных изданий. Мы должны стремиться охватить как можно большую аудиторию, и для этого необходимо идти навстречу людям, в том числе молодежи. Мы должны приходить на их «тусовки», бывать на их мероприятиях, чтобы быть *ловцами человеков*, как сказал Христос (см. Мф. 4. 19; Мк. 1. 17).

Если проповедник придет на рок-концерт, где собралось 20 тысяч молодых людей, может быть, 19500 из них будут недовольны тем, что часть времени концерта тратится на проповедь, будут ждать, когда же, наконец, начнутся песни, но обязательно найдется хотя бы несколько людей, а может быть, несколько десятков или сотен человек, которых это слово затронет, у которых в душе что-нибудь останется. Может быть, кто-то из этих людей потом придет в храм, войдет в ограду Церкви.

Сегодня нужно использовать любые способы для проповеди. Те, у которых есть возможность, конечно, должны задействовать в этом деле и средства массовой информации: телевидение, радио, Интернет. Ведь сегодня очень многие люди черпают информацию именно из этих источников.

– Правильно ли я понимаю, что идти на молодежные «тусовки», чтобы проповедовать в столь сложной среде, может не каждый, а только крепко стоящий, укорененный в Православии человек, у которого есть талант обращать такого рода людей?

– Очень важно помнить слова преподобного Исаака Сирина, который говорил, что было очень много людей, которые бросились в море мира сего, чтоб исцелять других, когда их собственная душа была не исцелена от грехов. Начав с очень убедительных подвигов, они закончили тем, что сами погибли и других людей увлекли в погибель именно потому, что у них не было того внутреннего стержня, который был необходим для того, чтобы, бросившись в бушующее море человеческих страстей, в нем не утонуть.

Конечно, тот, кто идет на такие мероприятия с миссионерской целью, должен быть внутренне очень крепким человеком, который сам не подпадет под влияние молодежной субкультуры, который сам не станет ее частью. Он должен иметь в себе внутренние ресурсы, которые помогут ему всегда быть над этой субкультурой, не приспособляясь к ней, но в то же время имея возможность и навык говорить с молодыми людьми на понятном им языке.

– Ваше Высокопреосвященство, и для студентов, и для преподавателей духовных учебных заведений очень важен доступ к электронным информационным ресурсам, библиотекам. Обычно региональная семинария обладает библиотекой с популярной богословской литературой, учебниками, переведенными на русский язык. Но для серьезной богословской работы, в том числе и в регионах, нужен доступ к иностранной литературе, которая сейчас бывает доступна в виде электронных подписок. Будет ли возможен доступ к электронным иностранным современным ресурсам, например, Общецерковной аспирантуре и можно ли будет этим дистанционно пользоваться?

– Должен отметить, что это одна из задач, которую мы сегодня ставим в Общецерковной аспирантуре и докторантуре. Действительно, существует очень много литературы, которая в бумажном виде просто недоступна, а в электронном виде уже существует, но на закрытых сайтах, за доступ к которым нужно платить. Пока вопрос с доступом к таким ресурсам не решен, но он стоит в самых ближайших наших планах.

– Не могли бы Вы рассказать о диалоге со старообрядцами? Насколько, по Вашему мнению, устарели претензии друг к другу? Как Вы смотрите на развитие единоверия, в том числе на вопрос рукоположения для единоверческих общин епископа?

– Диалог со старообрядчеством – это один из приоритетов нашей внешней церковной деятельности. Внутренний раскол, возникший более 300 лет назад, пока будет существовать, останется кровоточащей раной на теле нашей Церкви, тем более, что старообрядцы – это люди, которые отделились от Церкви не по каким то догматическим или екслезисологическим причинам, а по причинам обрядового характера. Конечно, гораздо труднее сегодня вести диалог со старообрядцами беспоповских согласий, чем со старообрядцами, у которых имеется и иерархия, и священство.

Единоверчество является очень важным проектом, который родился еще в XIX веке и который может служить мостом между старообрядцами и Русской Православной Церковью. Что же касается конкретных мер, например, рукоположения специального епископа для единоверцев, я не думаю, что сейчас мы для этого достаточно созрели. Единоверческих приходов на самом деле не очень много. И если над ними будет стоять некий экстерриториальный епископ, это может создать определенный дисбаланс в системе церковного управления, потому что эти приходы, по сути, окажутся в двойном подчинении у своих местных архиереев и еще у некоего специально

назначенного для их окормления епископа.

Уверен, что развивать единоверие надо. В Москве существует Центр древнерусской традиции, который возглавляет бывший старообрядец-беспоповец, а ныне священник Русской Православной Церкви отец Иоанн Миролюбов. Я не так давно посещал этот центр. Там есть группа верующих, которые регулярно собираются на богослужения; песнопения исполняются, разумеется, знаменным распевом по дониконовским неправленным книгам. Думаю, деятельность этого центра и других подобных центров, которые будут создаваться в дальнейшем, послужит большему взаимопониманию между старообрядцами и православными.

Конечно, звучавшие ранее претензии в значительной степени устарели, поэтому я убежден в том, что разногласия у нас обрядовые и придумывать какие-то искусственные обвинения друг против друга не имеет никакого смысла.

– Владыка, как в условиях интеллектуальных перегрузок и дефицита физической работы Вам удается снимать умственную усталость?

– Мне не удается снимать умственную усталость. Интеллектуальные перегрузки время от времени приводят к бессоннице. Я не знаю, многим ли из вас знакомо это состояние: оно наступает именно тогда, когда ты более всего хочешь спать и нуждаешься во сне, а твоя голова настолько заполнена всякой информацией, что сознание не может отключиться и информация бесконечным циклом в нем прокручивается. Это очень опасное состояние, которое связано с интеллектуальными перегрузками и отсутствием физической работы.

Я думаю, что самое лучшее средство от интеллектуальных перегрузок – это, конечно, перемена рода деятельности. То есть если человек 16 часов сидит за компьютером, он потом не сможет отключиться от работы, потому что ум его настолько перенапряжен, что его можно сравнить с кипящим котлом. А если человек соразмеряет свои силы и пытается чередовать одну деятельность с другой, скажем, молитву с чтением, чтение – с работой над документами, пребывание на месте – с поездками, эта перемена в какой-то степени служит отдыхом. Она дает возможность человеку, переключаясь с того на другое, не фиксироваться на одном предмете до такого состояния, чтобы потом не иметь возможности даже отключиться для краткого отдыха в ночные часы.

Конечно, человеку нужна физическая нагрузка. Поэтому, если мы не занимаемся каким-то физическим трудом, то, по крайней мере, нужно регулярно бывать на воздухе, нужно побольше ходить, гулять на свежем воздухе, чтобы наше тело было способно переносить различные перегрузки.

– В каком состоянии находится сейчас Зарубежная Церковь и как строятся отношения с ней?

– Я думаю, что в целом отношения с Русской Зарубежной Церковью сейчас строятся конструктивно. Самое главное – произошло воссоединение Церкви в рассеянии с Церковью в Отечестве. Это то, чего ожидали многие поколения наших верующих в диаспоре. Сегодня уже это единство существует, но его нужно наполнять и каким-то конкретным содержанием.

Прежде всего, мы должны помогать Зарубежной Церкви, особенно там, где она нуждается в поддержке, где необходимо строительство храмов, где нужно осуществлять какие-то образовательные проекты. Мы должны снимать любое возникающее напряжение по тем или иным вопросам и стремиться к тому, чтобы исчезали между нами те разногласия, которые до сих пор существуют. Если невозможно чтобы эти разногласия сразу исчезли, то, по крайней мере, важно

научиться спокойно и, как сейчас говорят, толерантно относиться друг к другу. В целом, я думаю, динамика отношений сейчас очень положительная.

– Каковы отношения других Поместных Православных Церквей с Московским Патриархатом? Преодолены ли имевшиеся прежде трения?

– Нельзя сказать, что трения преодолены полностью, однако существовавший на протяжении многих лет главный очаг напряженности, – трения во взаимоотношениях между Константинопольскими и Московским Патриархатами – сегодня в значительной степени пригашен благодаря очень мудрой позиции Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который во время своего визита в Константинополь, по сути дела, предложил Патриарху Варфоломею перейти от отношений конфронтации и соперничества к отношениям дружбы, доверия и партнерства. Мы сейчас прилагаем все усилия для того, чтобы такие отношения сохранялись. Если будет мир между Константинополем и Москвой, то, я думаю, будет мир и во всем православном мире, а это открывает возможности для очень широкого и очень конструктивного взаимодействия.

– Вы говорили, что для пастыря обязательно грамотно составить режим дня. Как это лучше сделать, и, если возможно, расскажите о своем распорядке дня.

– К сожалению, мой пример нельзя назвать вполне подходящим для многих из вас, потому что мне из-за постоянных поездок не удастся выдерживать режим дня.

Мне кажется очень важным, чтобы человеческий организм к нужному часу восстанавливался. Это значит, что человек может очень напряженно и очень эффективно трудиться, но в его труде должны быть какие-то паузы. Эти паузы естественно возникают, когда мы ложимся спать или когда садимся за стол.

Всякая трапеза – это пауза, даже если она очень короткая. Я, за исключением официальных приемов, которые иногда длятся час или больше, обычно обедаю, максимум, за 10 минут. Эта привычка сложилась с тех времен, когда я служил в армии: там мы обедали за шесть минут: первое, второе блюдо и чай с сахаром. С тех пор привычка быстро есть сохранилась и поныне.

Что же касается сна, то я считаю, что человек должен отводить на сон столько, сколько требует его организм, может быть, чуть-чуть меньше. Я не согласен с духовными наставниками, каких видел в некоторых монастырях, которые утверждают, что человек должен спать как можно меньше. Я видел в этих обителях, что монахи в течение всего дня ходят полусонные и при каждом удобном случае засыпают, даже на богослужениях. Не для того мы приходим на службы; лучше минут на 15 подольше поспать, чтобы затем богослужение вошло в наш ум, не затуманенный сном, и в наше сердце, чем истязать себя недосыпами, а затем в течение всего дня быть не способными к активной деятельности.

– Владыка, поделитесь, пожалуйста, Вашими творческими планами.

– У меня нет сейчас творческих планов, потому что послушания, которые возложили на меня Святейший Патриарх и Святейший Синод, практически не оставляют для этого времени и возможности. Вот, у меня есть книга «Православие» в двух томах; задуман еще третий том, но удастся ли мне когда-нибудь его написать, и если да, то, сколько времени это займет, я совершенно не представляю. Распорядок моего дня сейчас не оставляет никаких пауз для

реализации подобных планов. Также нет времени и возможности для музыкального творчества.

Есть приоритетные проекты, в числе которых – работа над новым катехизисом Русской Православной Церкви. Сейчас над написанием его разделов трудятся разные авторы, которые, как я надеюсь, уже осенью представят написанный материал. Потом все подготовленные тексты нужно будет приводить к единому стандарту, в том числе стилистическому, но рано или поздно весь этот огромный материал попадет ко мне, и я буду не просто его читать, но над ним работать. Думаю, эту работу и можно назвать моими ближайшими творческими планами.

– Какие приоритетные задачи стоят сегодня перед Отделом внешних церковных связей Московского Патриархата?

– Основная задача – укреплять единство Русской Православной Церкви. Наша Церковь является многонациональной и в этом смысле уникальна: она объединяет очень разные географические пространства и людей, говорящих на разных языках. Она окормляет Россию, Украину, Беларусь, Молдову, Казахстан, ряд других стран, а также огромную многомиллионную диаспору, включая ныне и Русскую Зарубежную Церковь.

Так вот, задача ОВЦС заключается прежде всего в том, чтобы охранять внешние рубежи нашей Церкви, всячески способствовать сохранению ее единства. На это единство сегодня покушаются очень многие силы. Мы знаем, что творилось до недавнего времени на Украине, где светские политические власти пытались расколоть Церковь. Сегодня пришло время для того, чтобы начать уврачевание раскола, но это невозможно сделать какими-то мерами извне. Движение к его уврачеванию должно начаться внутри самого раскола. Мне кажется, что сегодня украинское общество настроено на консолидацию, а не на дальнейшую дезинтеграцию. Одна из важнейших целей деятельности нашего Отдела как раз и заключается в том, чтобы способствовать этой консолидации, помогать людям, которые отделились от Церкви по политическим причинам или по причинам иного характера, осознать важность пребывания в единой Церкви и вернуться в нее.

Другая приоритетная задача – диалог с инославным миром. Этим ОВЦС традиционно занимался в течение всего более чем шестидесятилетнего периода своего существования.

Третья очень важная тема – работа с соотечественниками за рубежом, помощь им и установление живого и регулярного контакта между соотечественниками в рассеянии и Церковью в Отечестве.

И, разумеется, традиционно Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата занимается всей сферой взаимоотношений с Поместными Православными Церквями.

Сегодня очень важно разработать систему взаимодействия с Православными Церквями и помощи им в том, в чем они нуждаются. Русская Церковь вышла из периода гонений, это сильная Церковь, которая способна не только восстанавливать свою собственную жизнь, но и помогать другим Церквям. Развитию, в частности, такого направления межцерковного взаимодействия способствуют поездки Святейшего Патриарха по Поместным Православным Церквям, которые начались в прошлом году и будут продолжаться далее.